

Павел Брычков

Везучие

Отцу моему посвящаю

Пес Верный чуть не застрелил из ружья своего хозяина Генку Степанова. Направился Генка на охоту. Через огород прошел в сторону леса, прыскало перелез, а Верный заскулил – перепрыгнуть не может. Генка за ствол взялся и опустил ему приклад. А ружье сам уже зарядил, потому как зайцы, случилось, на лесоучастке прямо к огороду подбежали. Верный лапами по прикладу бьет, опереться хочет, но соскальзывает. Прыгал, прыгал, пока курком не щелкнул. Грохот, дым. Генка бледнее смерти. Под мышкой кусок ватника вырван, клочья ваты торчат, и тело огнем печет.

Шатаясь, доплелся Генка домой, упал на диван. Лежит, нашатырь нюхает. В ушах звон стоит, и внутри все трясется, дрожит. Крови же нет, только ссадина под мышкой краснозапекшаяся.

Мать перепугалась и с криком: «Генка застрелился!» – ринулась в медпункт. Фельдшерица прибежала. Девчушка – только-только училище окончила, неделю не работала. Поначалу сама стала бледнее Генки, потом оправилась. Пальчиками маленькими под лопатками подавила, нежненько вокруг ссадины провела и Генке сразу будто жечь меньше стало. Он даже улыбнулся: «Пустяк, мол!». Но фельдшерица глаза красивые строгими сделала и говорит: «Срочно в район, рентгеновский снимок делать надо. Может, операция потребуется...»

Ну если надо, так надо. Мать концы своего платка связала и накинула Генке на шею. Он сунул в петлю руку и возле груди ее держит, как раненый. Мать побежала к конторе машину искать. Генка за ней следом, а фельдшерица рядом идет, за руку его поддерживает.

Навстречу из магазина дед Василий с сумкой идет и весело спрашивает:

– Генка, ты куда нашу медицину повел, не в загс ли?.. Верно, верно, действуй, хоть одну у нас удержишь, а то сколь уж их сменилось!

Девчонка вспыхнула и сердито ему объяснила, что к чему. Дед Василий сочувствие проявил, до конторы с ними прошел. «Медицина» зачем-то в медпункт побежала, а дед осмотрел ссадину и заключение сделал:

– Неча в районе делать! Если и сидят где одна-две дробины, никто такой мускул портить не станет. Во мне, почитай, с войны горсть железа сидит, как видишь, живу... Больно что ли?

– Больно малость... Перепугался сильно... Оглушило, до сих пор поджилки трясутся...

– Это что, когда меня под Яссами шарахнуло – две недели шары вразбег... Иссекло так, что хирург устал из меня осколки вынимать. Ладно, грит, солдат, остальные сами выйдут. Которы и правда вышли, а которы, видно, в кость уперлись, поламывает часто...

Машин на лесоучастке две всего, и те кому-то за дровами уехали. Так что фельдшерица с матерью на тракт побежали с дощечкой, на которой красный крест нарисован, попутку ловить. Дед Василий еще раз осмотрел ссадину и покачал головой.

– Однако повезло тебе, слышь, Генка. Чуток разверни и аккурат бы в сердце. Долго жить будешь, однако!.. Давай это дело обмоем.

Дед достал из сумки бутылку водки, граненый бокал. Выпили по полстакана, закусили пахучим свежим хлебом.

– Да... Вот, брат, и я тож везучий... Ведь нас пятеро братовьев-то уходило, а вернулся я один. До Бухареста дотопал. Самый старшой из них был... Вот хоть Андрей, середний-то, до Берлина дошел. Офицером был – капитан, а уходил солдатом,

соображай! Василий, погодок его, тот танкистом... Да я против них тля, а вот остался... Это почему так, Генка, а?

– Я не знаю... Судьба...

– Судьба? Курва она, эта судьба! Ведь я семь десятков размотал, а кака от меня польза? Всю жизнь сучкорубом отробил. А если б им хоть половину того прожить, сколь они б сделали, Генка, Генка...

Дед вдруг заплакал.

– Деда, брось... Ну ладно... – растерянно заговорил Генка, – выпей-ка еще...

– Шибче всех мне Матвейку жалко, младшего. Мы ведь с ним в один взвод попали... Под Ржевом бомбили нас, в одном окопе сидели, его насмерть, а я вот остался... Веришь, нет, спокою мне от этого всю жизнь нету!

– Не переживай, деда Вася, зато внуки у тебя! Венька-то скоро институт кончит...

– Да, одна радость – внуки. У-у, Венька-то башкастый, холера! В Андрея видно, даже смахивает на него, ей-бо... – повеселел дед.

Фельдшерица с матерью едва нашли машину, но ехать в райцентр Генка наотрез отказался. На перевязку, правда, согласился, в медпункт пошел. И потом еще ходил, когда и зажило все, целых два месяца.

...Свадьбу играли весело, три дня. И все время обьевший пес Верный лежал у порога, положив голову на передние лапы, и поглядывал на хозяина...

А на рентген Генке все же съездить пришлось. Только ничего в его молодом теле не нашли. Везучий он, этот Генка Степанов.

1982